

Семантика сьогодні являється, видимо, головною заботою лінгвістів. Хоча історія питання, с приливами і отливами, змінюється не десятиліттями, а століттями, глибина і складність семантичних структур понемногу приоткривається перед ученими лише сьогод. В ряду трудов, содействующих цьому процесу, своє місце займає і рецензювана монографія В. М. Русановського. Она виполнена більшою частію на українському матеріалі, но широко опирається також на російські і білоруські дані, численні факти семантичного розвитку всіх інших слов'янських мов. В пошуках семантичних закономірностей автор активно привертає і неслов'янські мови, індоєвропейські і неіндоєвропейські. При цьому діахронічний погляд на мову (переважаючий в монографії) с необхідністю визначає широкі хронологічні рамки аналізу семантичних явищ.

Монографія складається з 12 розділів і висновку. В першому розділі розглянуті форма і зміст мовних одиниць. Форма слова кваліфікується як його фонетична оболонка і граматичні особливості, а зміст — як відношення номінації. Терміном «мова», по мислі автора, позначаються чотири феномени: 1) неопосередований мовний потік, опосередований системою допоміжних знаків (звичайно — графем), 3) конкретний мовний — реальна сутність, інтегруюча всю сукупність індивідуальних мовних актів, 4) універсальна система, інтегруюча всі конкретні мови, — мовна людства взагалі. Единиці всіх цих феноменів повинні не протиставлятися, а отожествлятися (с. 11). Ці одиниці — звук, інтонаційна одиниця, слово, словосполучення і речення. Феномен же, інтонація, лексема, модель словосполучення і модель речення суть не одиниці мови, а моделі пізньої сторони реальних мовних одиниць, т. є. звуків, інтонаційних одиниць і т. д. Морфеми в складі мовних одиниць не входять, інтерпретуються як субєдиниці слова.

Подобне осмислення мовних одиниць являється, конечно ж, дискусійним. Як, наприклад, представити в мові (а не в мові) конкретний звук? Погляд на мову як на модель звуку взагалі не правомірний, бо мовна і мовна точно в тій мірі являється моделлю, вилученою із сукупності мовних актів. Модель-мова і укомплектована «модельними одиницями» — фонемами (а не звуками)!

Вместе с тем концепція мовних одиниць, викладена В. М. Русановським, являється оригінальною і, як свідечує рецензювана монографія, взагалі дійсною. Реальна семантика заключена в реальному слові с реальною історією, а не в яких-то моделях.

Второй розділ присвячений зовнішній і внутрішній формам слова, їх взаємозалежності. Викладаючи і розвиваючи думку А. А. Потебні, автор оцінює внутрішню форму як загальну сему мотивуючого і мотивованого слова (с. 16), як рухливу силу мовотворчості (с. 27), як найближче історичне відстання між двома значеннями в розвитку лексичної семантики слова (с. 25). Зовнішня ж форма інтерпретується в словоформальному і морфологічному плані. К прикладу, слова с тождественной внутрішньої формою можуть мати як загальною зовнішню форму (*правда* і нем. *die Wahrheit*), так і її різницею (*морський* і англ. *seaman*). Автор всебічно освітає значущість внутрішньої форми в семантичній житті мови. Внутрішня форма при цьому інколи розуміється чересчур розширено, ср. сопоставлення укр. *смама* і *тмь*, чеш. *stena* і *stín* «тьма» (с. 19), хоча слова ці етимологічно не пов'язані.

В третьому розділі монографії розглядається системна обумовленість мовних одиниць. Звідси сформульовані і визначені поняття семантичного і стилістического інваріантів для різних рівнів мови. Семантичний інваріант — це абстрактна величина, припадає всім підпорядкованим йому варіантам, а стилістический інваріант — величина конкретна, виступаюча в вигляді одного із реально існуючих варіантів (с. 47). Так, на лексическому рівні семантичний інваріант суть семема, припадає всій сукупності варіантів, т. є. всім синоніміческому ряду, а стилістический інваріант — член синоніміческого ряду, володаючий найменшою коннотативністю. Для українського варіантного (синоніміческого) ряду *палада, попіи, світлиця, тмната, келля, конура* семантичний інваріант — семема «житло помешення», а стилістический інваріант — слово *тмната*. На морфологіческому ж рівні семантический інваріант — значення граматическої категорії (наприклад, категорії часу, реалізуемою в варіантному ряду *настасе — прошедше — будуще*), а стилістический інваріант — нейтральна дублетна форма (наприклад, укр. форма 3 л. єд. числа *робить* в дублетній парі *робить — робе*). При цьому міні-

мальной единицей лексической семантики является сема (пучок сем), а грамматической — сема. Грамматические семы (например, сема «настоящее время») складываются не в семемы, а в* категории. Отметим, что в этом разделе, богатом свежими мыслями, термин «сема» оказывается несколько неопределенным. Он то отождествляется с термином «значение» (с. 29), то отделяется от него. Так, на с. 30 выделяется сема слова *робота*, которая «присуща всем значениям» этого слова.

Название четвертого раздела — «Объективные и субъективные элементы языкового значения». Речь здесь идет о денотации и коннотации. Ценность раздела — в углубленном анализе механизма изменения значения слова, который, как правило, опирается на сложные взаимодействия объективного и субъективного семантических элементов.

Следующий раздел посвящен системной обусловленности развития семантики слова. Проблема соотношения денотации и коннотации остается здесь одной из ведущих. Но в орбиту авторского внимания вовлечены и такие диалектически взаимосвязанные явления, как: 1) однозначность и многозначность слова (движение от однозначности к многозначности и наоборот, с восхождением от конкретных значений к абстрактным и развитием новых конкретных значений на базе абстрактных); 2) автономность семантической структуры слова и относительность этой автономности (на протяжении своей истории слово не остается самим собой); 3) развитие синонимии, омонимии и антонимии (синонимическим рядам В.М. Русановский придает первостепенное значение, показывая, в частности, многообразие связи синонимии с антонимией и омонимией); 4) метонимия и метафора как средства номинации.

Противопоставление автором, вслед за И. Павелкой, метафорического и лексического значений (с. 93–94) сомнительно. Лексическое значение противопоставляется контекстуальному, а метафорическое (которое может быть как контекстуальным, так и лексическим) — прямому. Производные лексические значения зачастую оказываются одновременно и метафорическими, ср. *огонь* «пыл, жар, страсть (как свойство человека, человеческой натуры)». В целом же данный раздел, самый обширный в монографии, представляет собой очерк общей теории исторической семасиологии, содержащий важные обобщения.

Такие же обобщения по грамматической семантике высказаны в шестом разделе «Устойчивость грамматической структуры». Здесь сформулированы основные положения концепции, излагаемой в монографии В. М. Русановского. Это, прежде

всего, мысль о том, что качественные изменения в грамматической системе происходят в результате взаимодействия языковых уровней, а грамматические элементы возникают на базе лексических единиц. При этом влияние лексики на грамматику является внутрисистемным фактором и начинается в синтаксисе, затем доходя (или не доходя) до морфологии (с. 114). Внутривидовые противоречия вообще являются основной движущей силой языкового развития, тогда как экстралингвистические факторы, несомненно действующие в языке, не объясняют причин инноваций и не дают им возможности проникнуть в языковую систему (с. 111–112). Этот механизм грамматической динамики и объясняет устойчивость грамматической структуры, которая насущно необходима для функционирования языка, для обеспечения связи поколений. Так, структура глагольных словоформ и частотность главных глагольных суффиксов за последние 300–400 лет в украинском языке, по наблюдениям В. М. Русановского, почти не изменились. Существенным является также тезис о том, что к словообразовательным принадлежат все без исключения морфемы, так как все они выступают в составе слова (с. 113–114).

Эти два раздела являются ключевыми в исследовании В. М. Русановского. Последующие шесть разделов вносят в сформулированные здесь положения те или иные уточнения и конкретизации, распространяют их на проблему межязыковых контактов, функциональных и экспрессивных стилей, языковой нормы.

Говоря о влиянии межязыковых контактов на семантику (седьмой раздел), автор выделяет и развернуто анализирует, с семантическими акцентами, три типа таких контактов — взаимодействие 1) диалектов, 2) диалектов с литературным языком и 3) литературных языков, а также, соответственно, три типа билингвизма, своеобразно интерпретирует термины «адстрат», «субстрат» и «суперстрат» (с. 132), детализирует свое понимание внутренних законов развития языка, подчеркивает, что «преувеличение или, наоборот, преуменьшение роли экстралингвистических моментов может привести к ошибкам вульгарно-социологического характера» (с. 130).

Тесно связан с этой проблематикой и последующий раздел, посвященный внешним влияниям на развитие лексической семантики. Здесь рассмотрены разнообразные и разновременные заимствования, пришедшие в праславянский, древнерусский и украинский языки из романских, германских, кельтских, финно-угорских, тюркских и др. языков. Автор оперирует в основном традицион-

ными наборами лексем. Так, среди германизмов фигурирует и *вкобъ* (с. 146), хотя В. В. Мартынов обоснованно отстаивает славянское происхождение этого слова [1]. Говоря о психологическом восприятии исконных слов как заимствованных, автор, вслед за Л. С. Ковтун, иллюстрирует эту мысль словами *пльняз* и *цапа* (с. 157), которые действительно являются иноязычными (германизмы латинского происхождения). Но в разделе имеются и очень интересные находки, содержательные эпюды семантической динамики украинских наречий, развития калек, тонких! анализ внутриславянских обменов, факторов регуляции своего и чужого в лексике и др.

Переходя в последующих разделах к проблематике семантической структуры языка в его функциональных разновидностях, В. М. Русановский дает определение стиля, охватывающее понятия функционального, экспрессивного и индивидуально-авторского стилей (с. 163), убедительно обосновывает мысль, что экспрессивные стили хронологически предшествовали функциональным (с. 166—167), выделяет в качестве главных семантических параметров функциональных стилей терминологическую и экспрессивную лексику. Если принять тезис В. М. Русановского, что «художественный стиль существует только в письменной форме» (с. 167), то тогда неясно, как быть с мыслью самого автора, что одним из определяющих признаков каждого функционального стиля является связь его письменного и устного вариантов (с. 180).

Сама эта мысль об устойчивых определяющих признаках функциональных стилей представляется важной и конструктивной. Таких признаков, исторически изменчивых, но обязательных, выделяется четыре. Это, помимо названного, функциональное назначение и социальная обусловленность; наличие степеней экспрессивности; набор специфических дифференциальных элементов. Признаки эти, особенно соотношение письменного и устного вариантов стиля и степеней экспрессивности, рассмотрены В. М. Русановским вдумчиво и глубоко, на широком — в лингвистическом и хронологическом отношении — материале.

В семантическом ключе анализируются также вопросы нормы на разных этапах

истории литературного языка. Об исторической динамике нормы В. М. Русановский говорит с присущей всему его исследованию основательностью, с определением понятий, с опорой на данные разных языков и разных хронологических срезов. Раздел о норме содержит очень много принципиально новых положений, касающихся соотношения донациональных и национальных языков, типологического анализа развития литературных языков, соотношения литературного языка и диалекта. Он хорошо показывает, сколь глубоко разбирается современная наука в проблемах становления национальных литературных языков и их норм, как далеко ушла от плоского и прямолинейного тезиса, бытовавшего 20—25 лет назад, что новые литературные языки формируются на базе определенных, весьма узко очерченных диалектов.

Завершающий раздел монографии рассматривает значение межязыковых контактов для стилового обогащения литературных языков. Здесь речь идет о взаимоотношении языков на уровне мифа, фольклора, художественной литературы и ее переводов, международного сотрудничества языков. Важны и плодотворны мысли автора о двух этапах заимствования — материальном и семантическом. По словам В. М. Русановского, «язык оставляет полностью открытой для проникновений свою семантическую структуру, зато ставит могучие фильтры для материальных носителей семантики» (с. 218). И поэтому, сохраняя свою специфику, литературные языки вместе с тем «...напоминают собой соединенные сосуды, в которых естественно поддерживается одинаковый уровень семантического наполнения» (с. 219).

Монография В. М. Русановского — одно из ярких достижений украинской советской лингвистики. Ее результаты обогатят общую и историческую семасиологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартынов В. В. Глоттогенез славян. Опыт верификации в компаративистике // ВЯ. 1985. № 6. С. 45—46.

К арпенко Ю. А.